

А. Тютенков

ОГНЕННЫЙ РЕЙС

Документальная повесть

Поход этого корабля — настоящая Одиссея XX века. В океанах рыскали вражеские подлодки и рейдеры. В эфире стоял неумолчный стон гибнущих судов. Радиостанция германского посольства в Турции дублировала специальный приказ гитлеровского адмирала Канариса о советском судне: «Не выпускать из поля зрения. При первой же возможности уничтожить!»

А нас не брали в англо-американские конвои под защиту крейсеров и авианосцев — из-за тихоходности и «заметности»: слишком много черного угольного дыма извергали трубы корабля, скорость же его не превышала и десяти узлов.

Отчаянным рейсом назвали союзники плавание одинокого и безоружного корабля по морям и океанам. Но матросы и не помышляли о подвиге. Они просто выполняли специальное задание правительства. Ведь «Анастас Микоян» и «Иосиф Сталин» (последний был построен в Ленинграде), оба водоизмещением по десять тысяч тонн, были крупнейшими ледоколами страны того времени. Нашему кораблю выпала ответственная и трудная миссия, ради которой мы шли в Мурманск, — проводить свои и союзные караваны по северным морским коммуникациям.

О том, как удалось экипажу выполнить приказ — перегнать судно из Поти на Дальний Восток, — и рассказывает эта документальная повесть.

А. Голубков,
бывший член экипажа, электрик
объединения «Ленсистемотехника»,
Герой Социалистического Труда

1

«Такой переход труден даже в мирное время, с хорошо вышколенной командой. Нам же предстояло отправиться, по существу, в кругосветку — по морям и океанам, охваченным пожаром войны, с людьми, среди которых не было и половины моряков».

Из рассказа капитана С. М. Сергеева

На базе флота Сергеева ждал неожиданный приказ: срочно идти в Поти и там снять все вооружение, установленное на ледоколе на то время, пока он в качестве вспомогательного крейсера охранял внутренние коммуникации и в числе других кораблей поддерживал огнем высадку десанта под Григорьевкой, вблизи Одессы.

Откровенно говоря, такое решение было Сергею Михайловичу непонятно. Вроде бы не вязалось оно ни с ситуацией на черноморском театре военных действий, ни с нуждами флота. Сейчас, когда враг рвется в Закавказье и каждая боевая единица у советского командования на строгом учете, — ржаветь у причала? Ведь без своих 130-миллиметровых орудий, зенитных пушек типа «эрликон», ледокол в лучшем случае можно было использовать как тихоходный транспорт или плавучую мастерскую.

Нет, ничего подобного капитан не мог предположить. Значит, отправят в дальнее плавание — туда, где корабль нужнее? Маловероятно. Путь из Черного моря наглухо закрыт — это

раз, из-за войны ледокол не успел пройти положенных ходовых испытаний, и теперь механики-военморы, заводские рабочие судостроительной верфи в Николаеве, совсем недавно надевшие тельняшки, спешно доводят механизмы,— это два.

Итак, впереди Поти и... неизвестность.

«Рассчитаюсь с ледоколом,— решил Сергеев,— и буду проситься в дело».

Но прошло несколько томительных недель, пушки свезли на берег, команда сдала оружие до последнего пистолета, артиллеристов списали с корабля, а о новом назначении с командиром никто не заговаривал. Напротив, поступило совсем уж удивительное распоряжение: перебазироваться в Батуми и там срочно готовить ледокол и экипаж к заграничному плаванию.

Приказ читали вдвоем с комиссаром М. И. Новиковым в просторной, как зал кинотеатра, столовой-клубе, куда был доставлен пакет от командующего эскадрой контр-адмирала Л. А. Владимирского.

Сергеев встал, машинально подошел к карте. Минуту, прищурившись, глядел на «горлышко бутылки» — Босфор. Тяжело вздохнул:

— Сплошная романтика.

Новиков понимал настоящие командира, чувствовал — надо сказать какие-то ободряющие слова, но не находил их. К тридцати с небольшим годам он уже был опытным политработником и умел помочь людям в трудную минуту. Но перед Сергеевым всегда немного робел.

Нет, не потому, что был капитан второго ранга суров или неприступен. С первых дней совместной службы Новиков увидел, что это очень душевный человек, по-настоящему интеллигентный офицер флота. И не разница в возрасте смущала. Просто однажды довелось услышать рассказ о жизни Сергеева, и комиссар проникся к «старикам» буквально юношеским благоговением.

Сам он лишь месяц назад впервые понюхал пороху, а командир ходил в штыковые атаки против колчаковцев и деникинцев, почетное революционное оружие получил на Амуре в 1929-м, два боевых ордена — в Испании...

— Нам, к сожалению, неизвестны ни планы высшего командования в отношении ледокола, ни маршрут похода,— сказал Сергеев.— Прорваться к союзникам — и только?

— Я верю в другое,— заметил комиссар.— Ставка смотрит дальше: корабль будет нужен на Севере.

* * *

В Батуми на Сергеева, теперь уже не командира вспомогательного крейсера, а капитана мирного судна, обрушилось множество забот. В одном ме-

сте он упрашивал вернуть оружие хотя бы офицерскому составу (получил-таки семь пистолетов), в другом хлопотал о валюте, в третьем договаривался о взаимодействии с кораблями сопровождения, в четвертом подбирал лоции Средиземноморья...

Особенно трудно оказалось с одеждой для экипажа. В магазинах удалось закупить лишь самую малость гражданского платья, а остальное... Сколько было смеху и прибауток на корабле, когда матросам стали раздавать привезенные с какого-то ипподрома жокейские куртки и галифе!

«Проскочить Эгейское незаметно вряд ли удастся,— размышлял капитан.— На случай боя разделим команду: одна часть составит группу сопротивления, другая — затопления».

Он уже знал, что Турция согласилась пропустить судно под коммерческим флагом через Босфор и Дарданеллы. «Допустим,— рассуждал Сергей Михайлович,— этот участок пути удастся пройти без особых приключений. Но у острова Самос сконцентрированы крупные силы противника. Там наготове итальянский дивизион эсминцев, торпедные катера, авиация гитлеровской коалиции...»

Через неделю ночью, тайком, не зажигая ходовых огней, ледокол отвалил от стенки. Его никто не провожал. Вот что вспоминает об этом контр-адмирал Василий Николаевич Ерошенко, бывший командир лидера «Ташкент»:

«Мы получили задание отконвоировать до Босфора три танкера („Туапсе“, „Сахалин“, „Аванесов“) и ледокол „Микоян“.

Крупные танкеры, ходившие в мирное время с грузом нефти за границу, сейчас на Черном море не нужны. Эти суда, как и ледокол, пригодятся нашей Родине на других морях, да и будут там целее. По решению правительства они отправляются на Дальний Восток.

Ответственность за проводку танкеров и ледокола до Босфора возложена на командующего эскадрой Л. А. Владимирского. На „Ташкенте“ поднят его флаг. Для конвоирования выделены также эсминцы „Сообразительный“ и „Способный“.

Выходим из Батуми в ночь на 26 ноября. Небо затянуто тучами. Моросит дождь, временами с примесью мокрого снега. Все это нас вполне устраивает: меньше шансов быть обнаруженными противником.

Однако погода продолжает ухудшаться, так сказать, сверх нормы. Усиливается ветер. Все крупнее волна. Барометр падает...

К утру шторм разыгрался не на шутку. Рулевой Андрей Мирошниченко, замерив анемометром скорость ветра, докладывает: „Двадцать пять метров в секунду!“ По трансляции

передано приказание: „На верхнюю палубу не выходить. Движение по кораблю только штормовым коридором“.

Стрелка кренометра доходит до отметки 47 градусов. Предельный для „Ташкента“ крен — 52. Стараюсь маневрировать так, чтобы до критического не дошло. Но очень уж трудно нашему быстроходу приспособляться к десятиузловой скорости, которую держит отряд. А больше не могут дать танкеры и особенно ледокол, он и так все время отстают...

Около полудня 28 ноября расстаемся у Босфорского буя с судами, уходящими в дальние моря. Танкеры уже подошли к проливу, похожему издали на узкое ущелье в гряде прибрежных гор. Ледокол следует за ними. Его командир капитан 2 ранга С. М. Сергеев передает прощальный семафор, благодарит за проводку. Мы желаем товарищам благополучного плавания¹.

2

«Все матросы помнили, как в подобной же безвыходной обстановке поступил экипаж легендарного крейсера «Варяг», и были готовы повторить его подвиг».

«Ледокол принимает бой», «Правда», 1971 год, 21 декабря.

Ошвартовались в Галате, портовой части Стамбула. Турецкий лоцман покинул корабль. Капитан Сергеев почувствовал огромное облегчение. Все эти дни его беспокоило не ощущение близкой опасности. К ней он притерпелся. Да и участок пути, оставленный за кормой, был относительно спокойным. Пугало другое — неизвестность: отправляясь в заграничное плавание, командир знал лишь первый порт назначения.

И вот теперь близился конец неизвестности. На ледокол поднимался военно-морской атташе советского посольства в Турции. Приветливый молодой человек в гражданском плаще поверх форменного кителя поздравил команду с благополучным переходом, обнял Сергея Михайловича.

После официальной церемонии оба удалились в капитанскую каюту. Атташе развернул карту.

— Сергей Михайлович, вам приказано прорваться через Эгейское море и, обойдя Кипр с востока, прибыть в Бейрут. Дальнейшие инструкции получите от английского командования. Совет мой таков. Идите в турецких территориальных водах, гарантии это не дает, но все же наиболее безопасный маршрут, — он соединил отдельные черточки морской границы Тур-

ции в одну сплошную, змеящуюся среди островов линию.

...Атташе с пунктуальностью кадрового офицера характеризовал обстановку в районе перехода:

— Доберетесь до союзников, и вас, очевидно, включат в конвой, да и вооружат. В Средиземном положении сложное. Но караваны прорываются. Не легче и в Атлантике. Но не будем пока заглядывать так далеко. В Эгейском море мало отмелей. Прижимайтесь к берегу, прячьтесь за островками — от умелой маскировки зависит судьба людей и судна...

— Спасибо за совет, район я знаю. Ну а в остальном будем надеяться на удачу.

В ночь на 29 ноября, когда во мраке растворился амфитеатром взбегающий по холмам Стамбул, ледокол поднял якорь.

В этот поздний час город уже затих. Только одна машина с дипломатическим номером на бампере колеса по Галате, всякий раз непременно оказываясь возле порта. Некто из германского посольства следил за выходом советского ледокола.

Позади остался маяк Линдер. Корабль выбрался в Мраморное море и резко прибавил ход.

Вопреки прогнозам турецкой метеослужбы, Эгейское встретило судно отменной погодой. Солнце висело над головой, и все вокруг сверкало, искрилось, голубело. Вот уже третий час ледокол отстаивался у пустынного скалистого берега в заливе между Дикили и Гедиз-Чайей. Топки притушены, над трубами выются лишь струйки буроватого дыма. И они, и сам корабль на фоне серых скал едва заметны с полумили. Однако Сергею Михайловичу кажется, будто ледокол выставлен в ярко освещенной витрине.

С радостным гвалтом кружат над ним чайки. Второй механик Донаусов безуспешно пытается отогнать их.

Неожиданно чайки исчезли. Белое облачко на горизонте разрослось, набухло чернотой. Подул ветер. На лазури закипели седые барашки. А когда к вечеру сорвался семибалльный шторм и полил дождь — все обрадовались.

— Поднять пары! — скомандовал капитан.

Ледокол взял курс на северный мыс острова Хиос.

Переложив ручку машинного телеграфа на «полный вперед», Сергей Михайлович уступил вахту старпому:

— Попробую уснуть. На подходе к Чесме будите.

За двое суток ему не довелось вздремнуть и минуты. Он, пошатываясь, добрал до каюты и упал на диван. Мерный рокот машин, плеск волн за бортом убаюкивали. А сон не шел. Наоборот, по мере приближения к заливу Кушада росла тревога.

¹ В. Н. Ерошенко. Лидер «Ташкент», Воениздат, М., 1966, стр. 105.

Пожалуй, наиболее безопасным было бы обойти Самос с востока, но там, в узкости, для ледокола с его 9-метровой осадкой могло не хватить глубины. Оставался путь между Самосом и Икарией. Хотя, по всем соображениям, именно тут наиболее вероятно засада.

Зазвонил телефон. Сергеев снял трубку.

— Сергей Михайлович! — голос Холина дрогнул. — В море масляные пятна...

— Что вы предполагаете?

— У правого борта видели спасательный круг с танкера «Аванесов».

— Выставьте дополнительных наблюдателей. Я сейчас.

«Значит, не дошел „Аванесов“... Ждут и нас. Но другого-то пути нет!»

Дождь колотил в стекла рубки. Ледокол тяжело раздвигал встречные волны. Стемнело. На борту ни огонька, ни движения.

— Слева по курсу свет! — доложил сигнальщик.

Четыре расплывчатых луча шарили в пелене дождя, скрещивались и падали в пучину. А ледокол не сбавлял хода, и рулевой недоумевал, почему командир идет на сближение.

Лучи на минуту-другую погасли и снова, еще настойчивей начали прощупывать акваторию прохода. Один скользнул по курсу в кабельтове, повернул дальше, потом неожиданно ринулся назад и осветил надстройки.

— Засекли, гады! — пробормотал рулевой.

— Прямо держать! — негромко напомнил капитан.

Зеленоватый свет пробежал к корме и бултыхнулся в черную воду. Рузаков понял: двигался не луч, а ледокол. И если судно так легко отпустили — стало быть, не видят!

— Проскочили, — улыбнулся Сергеев и добродушно отчитал рулевого:

— Мотай на ус, товарищ Рузаков: в дождь прожектора бессильны. Видимость — сотня метров.

Вскоре сыграли отбой. И хотя дождь лил по-прежнему, измученные люди выходили на верхнюю палубу, чтобы убедиться — опасность миновала.

Рассвет застал на подходе к Родосу — в сотне миль от заслона итальянских эсминцев. На выбор вполне удовлетворительной стоянки времени не хватило. Каждая минута промедления могла стать роковой. Опять пригнулись к каменистому берегу, укрылись с моря крошечным островком, притушили топки.

Трижды в стороне появлялся самолет-разведчик. Он то взмывал высоко в небо, то опускался совсем низко, едва не цепляясь крыльями за острые скалы. Было ясно: ледокол настойчиво ищет по всем предполагаемым маршрутам. Следовательно, противник не

подозревает, на каком «перекрестке» разминулись.

В полдень провели учение. Глядя, как быстро люди занимают указанные боевым расписанием посты, Сергей Михайлович заметил старпому:

— Молодцы, а ведь кадровых вояк нет и половины.

Гул мотора заставил вздрогнуть. Разведчик вынырнул из-за гор, тенью метнулся над реями и скрылся.

— Теперь надо ждать гостинцы, — резюмировал капитан, приказав выбрать якоря.

Минуты тянулись на редкость томительно. Малым ходом ледокол удалялся от берега для удобства маневрирования в случае нападения.

Самые худшие опасения оправдались. На горизонте обозначились две темные точки: разведчик, видимо, вызвал по радио торпедные катера.

Раздался сигнал боевой тревоги. Еще издали Сергей Михайлович безошибочно определил принадлежность катеров: на них трепетали яркие флаги военно-морских сил Италии. В трех десятках метров от борта катера, словно споткнувшись о невидимую преграду, закачались на волне.

— Спустите трап! — по-английски в микрофон потребовали с катера.

— Судно турецкое. Мы идем в своих водах, — с разрешения Сергеева прокричал матрос-татарин.

— Спустите трап. Иначе откроем огонь!

В ответ прозвучали pistolетные выстрелы.

Катера ожили, развернулись, оставляя за собой крутые буруны. Отойдя на километр, они понеслись в атаку.

Вероятно, маневр рассчитывался на слабонервных. В полукабельтове катера резко затормозили, отработывая задним ходом. Итальянцы снова предъявили ультиматум и снова получили отпор.

Сухим треском застрочили крупнокалиберные пулеметы. Следующая очередь прошла по линии иллюминаторов.

— Полный вперед! — и ледокол рванулся навстречу противнику, словно прищипоренный.

Старшина первой статьи машинист Алексей Голубков, один из членов команды затопления, не видел происходящего, поскольку был занят внизу. Зато услышал, как заухала стальная обшивка. Казалось, колотили по ней снаружи тяжелой кувалдой. Но стрелка телеграфа по-прежнему дрожала на «полный вперед». В машинном отделении могли лишь предполагать, что происходит наверху...

Между тем ледокол, окутанный дымом, надвигался на вражеские катера.

Капитан шел на сближение. Он догадывался: катера выполняют вспомогательную задачу. Скорее всего, им велено задержать русский ледокол до

прибытия эсминцев от Самоса, где те зря проторчали целые сутки. Сколько времени займет переход? Пятнадцать, от силы двадцать часов. Таков лимит, отпущенный кораблю на спасение, да и то еще при условии, если у катеров нет торпед, а поблизости — других судов противника.

И рискованным броском Сергей Михайлович хотел подзадорить итальянцев: пусть расстреливают боезапас, вечером будет легче оторваться от преследователей.

Убедившись, что пулеметы не причиняют прочной обшивке вреда, итальянцы перенесли огонь на надстройки. Команде самообороны, готовой к абордажному бою, пришлось спуститься на нижнюю палубу. На баке и юте укрылись четверо моряков с брандспойтами.

Вспыхнул пожар. Загорелись бухты манильского троса. Их тотчас столкнули за борт. Вдребезги разлетелись стекла ходовой рубки, поранив рулевого. На приказ сдать вахту и пробираться в санчасть Рузаков возразил:

— Царапина! Разрешите остаться на мостике?

Рухнула мачта, и тут же крик:

— Горит капитанский катер!

Сергеев и сам заметил пожар, грозивший серьезной катастрофой. В моторном баркасе хранился солидный запас бензина. Стоит бочкам взорваться — огонь охватит ледокол, проникнет в машинное отделение и каюты.

Несколько моряков под командой старпома Холина метнулись к катеру.

Секундная стрелка обежала по циферблату круг. Наконец ком огня тяжело плюхнулся в воду.

Катера отошли на приличную дистанцию и, расчертив море зигзагами, опять ринулись в атаку.

Тут же с бака сообщили:

— Справа — торпеда!

Ледокол накренился, поворачиваясь на девяносто градусов.

— Слева — торпеда!

Судно снова уклонилось «поворотом на контркурс», уменьшив ширину цели вчетверо. Пенная дорожка прошла совсем рядом.

«Хорошо еще — атакуют по очереди!» — мелькнула у Сергеева мысль.

Но тут же один катер стал заходить с тыла. Торпеды устремились навстречу друг другу. Расстояние между их курсами едва ли превышало полсотни метров.

— Правая машина — полный вперед, левая — полный назад!

Ледокол развернулся буквально на месте и медленно прошел по «смертельному коридору» — впритирку к торпедам.

Второй час боя... Машинисты изнемогают от жары. Некогда передохнуть. Одежда взмокла, сковывает движения. Нервы напряжены до предела. Только капитанский голос подбадривает:

— Держись, ребята, опять мимо!

Катера сошлись борт о борт. Видать, советуются командиры. А «Микоян» без промедления ложится на курс. Команда приободрилась: не атакуют — значит, боезапас вышел.

Итальянцы поняли: добыча ускользает. С яростью незадачливых охотников они бросились в погоню. Подошли почти вплотную к высокому борту ледокола:

— Русс, сдавайся!

— Азартные господа, — усмехнулся старпом и кивнул боцману Тимофею Морозу: — Остудите пыл!

С палубы хлестнули мощные водяные струи. На катерах раздались вопли — брандспойты были «заряжены» крутым кипятком.

Вечерело. С севера наплывали мрачные облака. Ветер свежел, поднимающая волну. Море вздулось, потемнело.

— Еще часок, и мы, пожалуй, спасены, — сказал капитан Холину, искренне радуясь и надвигающемуся волнению, и предстоящей темноте.

Края туч пламенели пожаром, бросая кровавые отблески на воду и ледокол. Вдруг к посвисту ветра примешался злой гул моторов. Сделав круг над кораблем, один гидросамолет устремился над самой водой к борту «Микояна», нечто сигарообразное отделилось от фюзеляжа, вспорол воду справа.

— Полный назад!

Машинисты среагировали быстро. Торпеда, зарываясь в волну, промчалась далеко от носа. Зато ледокол прижался к каменистой косе, выдающейся на милю в открытое море, что затруднило последующий маневр.

Другой торпедоносец не торопился с атакой. По всей вероятности, выбрал более удобную позицию. Катера издали следили за исходом поединка.

— Под килем три фута! — доложил командир отделения сигнальщиков Полицук.

Необычная бледность проступила на его лице: корабль вот-вот сядет на мель.

Этой минуты, наверно, ожидал и пилот торпедоносца. Наконец он ринулся вниз и, чуть не срезая крылом гребешки волн, вышел на боевой курс. Торпеда устремилась к ледоколу. А машины застопорены — впереди банка. Но пенный след прошел в десятке метров от винтов, ткнулся в берег и взметнул огромный столб песка, воды и багрового пламени. Дружное «ура» прокатилось по палубе.

На мостик прибежал Холин:

— Левая машина сдвинута с фундамента... в двух котлах, пятом и седьмом, просели жаровые трубы.

— Дешево отделались, — отозвался капитан.

Со скоростью шести узлов израненный ледокол уходил в ночь, разразившуюся тяжелым дождем. По палубе текли черные от гари ручьи...

«При пожаре в Хайфе команда действовала самоотверженно. Спасли английскую батарею и несколько иностранных судов».

Из докладной записки.

В один из декабрьских дней, когда средиземноморский порт Хайфа изнывал от тропического зноя, иностранные моряки и местные докеры стали свидетелями необычного зрелища: в бухте, набитой судами, появился странный корабль.

О странном судне доложили командующему английской военно-морской базой. Прервав текущие дела, он немедленно прибыл в порт. Адмирал ждал гостя. О русском ледоколе ему сообщили еще с кипрской базы Фамагуста, затем из Бейрута, где корабль не смогли принять, а сегодня о нем радировали суда берегового охранения, отмечая «крайне потрепанный вид судна и малую скорость». Но то, что увидел командующий, превосходило самые мрачные предчувствия.

Некогда шаровая окраска сплошь испещрена подтеками копоти и глубокими царапинами. Палуба изодрана, иллюминаторы выбиты, надстройки разворочены. Почудилось адмиралу, будто от ледокола за милю несет гарью, перебивающей пряный запах шумных базаров Хайфы.

Наблюдая за точностью маневра, с которой ледокол ошвартовался, командующий мысленно похвалил капитана: «Лихо и мастерски!»

Церемониал встречи сократили до минимума. Без принятой в таком случае торжественности и оркестра адмирал поднялся по трапу на борт, где в ожидании высокого гостя команда выстроилась во фронт. Обожженные, наспех перемотанные бинтами, моряки тщетно пытались выдержать стойку «смирно». Огромные разрушения, следы недавних пожаров усиливали драматическое впечатление.

— Рад поздравить вас с благополучным рейсом! — командующий пожал руку Сергееву. — Надеюсь, судьба и впредь будет милостива к вам, — улыбнулся командующий.

Вынужденную стоянку предстояло провести в напряженных трудах. Располагая великолепно оснащенными судовыми механическими мастерскими, можно было отремонтировать корабль, не прибегая к помощи платных портовых служб. Котельные машинисты Голубков, Десятников, второй механик Донаусов, секретарь парторганизации Барковский, боцман Мороз, коммунисты Злотник, Попков и другие во главе со старпомом Холиным приступили к разборке поврежденных котлов и профилактике двух машин. Предполагали, если выкроют время, вывести на режим и третью.

— С топливом осложнений не предвидится, — докладывал Сергей Михайлович на собрании. — Нам обещают эшелон угля. Три тысячи тонн.

Но особенно радостно зашумели моряки, когда комиссар зачитал сводку Совинформбюро, переданную адмиралом: «Под Москвой разворачивается контрнаступление советских войск. Противник отброшен на 70—100 километров...»

В честь замечательной победы экипаж решил подготовить ледокол к рейсу на двое суток раньше срока. Однако непредвиденные обстоятельства спутали планы.

К пирсу подали эшелон с углем. Наблюдая за лоснящимся антрацитом, ручейком текущим по ленте, кто-то из моряков погрузочной вахты заметил угловатый предмет, выкрашенный под цвет угля. Транспортёр замер. Через пять минут капитану доложили:

— В угле обнаружена килограммовая мина. Вряд ли это единственная. Видимо, штыковку угля в трюмах нельзя доверять местным портовикам.

Сергей Михайлович потер виски: только этого не хватало! По-видимому, фашистской разведке даны специальные указания насчет ледокола.

...На заре раздались взрывы. Девятка немецких самолетов бомбила порт и город. Британский танкер «Феникс», выбирая якорь, зацепил сброшенную ночью мину. Корабль разломился пополам. Из объемистых танков хлынули тысячи тонн нефти и соляра. С грозным гулом взметнулся огонь, разливаясь от внутреннего рейда к пирсам.

Запыхало небольшое транспортное судно, за ним — промасленный портовый буксир и французский транспорт. Прежде чем команды успели сообразить, что произошло, дым заслонил полнеба. В панике люди бросались с горящих кораблей в воду, другие, оставив суда на произвол судьбы, убежали из порта.

Сергеев выскочил на мостик:

— Со швартовых сниматься!

Схватился за ручку телеграфа, передвинул на «малый вперед» и повернул обратно: там, внизу, вместо вздрагивающих от напряжения машин лежат груды прочищенных деталей.

А огонь приближался к «Микояну». Вот он лизнул обшивку, метнулся к палубным надстройкам.

— Отсежь пламя от борта! — приказал капитан, лихорадочно соображая, что предпринять. Ледокол могло спасти только чудо.

Неожиданно для себя Сергеев вспомнил давно забытый эпизод. В первую мировую войну (тогда он ходил унтер-офицером на транспорте «Елизавета») случилась подобная же история. Корабль потерял винты. Бес-

помощный «поплавок» сносило течением на минные поля. Когда гибель казалась неизбежной, капитан — старый морской волк — приказал уходить из опасной зоны на якорях...

— Шлюпку на воду! — раздался уже спокойный голос Сергеева.

Через минуту она качалась у борта. Шестеро матросов сели на весла, подгребли к носу ледокола.

Тяжелый якорь медленно вылез из клюза и плавно опустился в шлюпку, отчего она осела по самые борта.

Метрах в двадцати от форштевня якорь сбросили в воду. Заскрипел брашпиль. Ледокол медленно двинулся вперед. А в это время шлюпка подходила к другому носовому якорю, чтобы сбросить его взамен выбранного.

Невдалеке запыхтел буксир. Капитан его удивленно смотрел на русских: странный народ, кругом ад, а они копаются у судна!

— Эй, возьми конец! — крикнул старпом, жестом объясняя капитану, что от него требуется. Тот только отмахнулся. А ледокол потихоньку продвигался к внешнему рейду, как ползет тяжело раненный, цепляясь за выступы земли.

Спустя три часа ушли из опасной зоны. Позади продолжали раздаваться взрывы. Жутко было видеть, как лижут черное небо высоченные огненные языки.

Команда собралась на палубе. Молча стоял перед ней командир, не в силах сказать ни слова. Наконец проглотил подступивший к горлу комок.

— Спасибо, товарищи, за службу!

За дымом не было видно ни порта, ни гор с пальмами, ни белых коттеджей. На внешнем рейде, вперемежку с не успевшими встать под погрузку, покачивались суда, которым удалось вырваться из бухты. На многих бушевали пожары.

— Негоже нам глядеть на чужую беду, — заговорил Сергей Михайлович. — Надо помочь!

— Поможем! — подхватили десятки голосов.

Двое суток ревел пожар. И все время шли к адмиралу сообщения. Капитан французского танкера благодарил экипаж «Микояна» за спасение людей. С рейда радиовали: «Благодаря храбрости русских потушены пожары на двух английских транспортах». «Неизвестные гражданские лица выгнали из бухты три катера, буксир и плавучий док», — докладывал помощник коменданта.

Перечитав по-телеграфному короткие строки, адмирал поднял глаза на заместителя:

— А ведь, пожалуй, Россия выигрывает войну. — И добавил: — Обязательно! Даже без нашей помощи.

На третьи сутки пожар ликвидиро-

вали. Порт, очищенный ветром от дыма, был неузнаваем. Там и сям виднелись черные остовы судов. Сиротливо торчали покореженные порталы краны.

А когда катер под военным британским флагом доставил на «Микоян» нарочного, тот увидел на палубе веселых, жизнерадостных моряков — будто и не было перед этим двух суток кошмарного ада. Всюду прибрано. Следы разрушений старательно закрыты брезентом.

В кают-компании Сергей Михайлович вскрыл письмо адмирала:

«Благодарю вас лично и весь экипаж за мужественное поведение и морскую лихость при спасении английских солдат и моряков, а также портовых средств и кораблей других стран».

Кончался первый этап перехода, о котором позже английский историк С. Роскилл писал:

«По мере оккупации немецкими войсками русских портов на Черном море наш союзник, естественно, стремился по возможности спасти свои суда, которые немцы могли захватить. После обсуждения этого вопроса в Анкаре решили, что некоторые суда, большей частью танкеры, должны попытаться прорваться через Босфор и Дарданеллы и дойти до английских портов... Противник узнал об этих попытках и сумел потопить один танкер в районе южнее Дарданелл. Остальные суда, несмотря на огромные трудности и опасности перехода, дошли до Кипра»¹.

4

«У англичан хватало своих забот. Мы, видимо, просто им мешали, и они согласны были задержать ледокол, только бы снять с себя ответственность».

Из рассказа С. М. Сергеева

Еще несколько дней советские моряки ожидали решения своей судьбы. Наконец пришло распоряжение от первого лорда Британского адмиралтейства Паунда, и Сергеева пригласили к командующему военно-морскими силами в Восточном Средиземноморье.

Сэр Хартвуд был чрезвычайно любезен. Даже о хорошем переводчике позаботился. Теперь он мог расспросить о подробностях героического перехода безоружного корабля и не менее героических действиях экипажа во время пожара.

Сергеев рассказывал сдержанно и с нетерпением ждал, когда же адмирал сообщит дальнейший маршрут. Пред-

¹ С. Роскилл. Флот и война. Воениздат, 1970, т. 2, стр. 231.

ставлялось, что вариант только один: прорываться на Гибралтар в составе английского конвоя.

Однако, перейдя к делу, сэр Хартвуд сказал такое, что Сергеев просто растерялся:

— Из Хайфы вам предписывается идти Суэцким каналом: Порт-Тауфик, Красное море, Момбаса.

Сергей Михайлович, конечно, понимал, что, поскольку ледокол получил статут вспомогательного судна английского флота, подчинение приказам Британского адмиралтейства обязательно. И все же не мог примириться с необходимостью делать огромный крюк вокруг Африки.

— Господин адмирал, — взволнованно заговорил Сергеев. — Моя страна ведет борьбу не на жизнь, а на смерть. Мы нужны дома. А нам предлагают, извините, многомесячную прогулку по экзотическим краям. Если командование считает, что путь по Средиземному морю опасен, так ведь он опасен и для английских транспортов. Тем не менее ваши суда... Словом, я бы просил убедить адмиралтейство, что русские достаточно мужественны.

— Господин капитан, — сказал, выслушав перевод, хозяин кабинета. — Я понимаю и разделяю ваши чувства. Но, к сожалению, путь на Гибралтар пока исключен. Над Тунисским проливом господствует немецкая авиация. По нашим сведениям, в начале декабря на аэродромы Южной Италии переброшен Десятый корпус Второго немецкого воздушного флота, 500 самолетов. Резко активизировались фашистские подводные лодки, базирующиеся на Специю, Мадалену, Саламис, Палермо. Наши потери на коммуникациях ужасны. Только в последние недели мы потеряли линкор «Бархэм», крейсер «Галатеа», выведен из строя авианосец «Арк Ройял». На днях в Александрии диверсантами подорваны линкоры «Куин Элизабет» и «Вэлиант», эсминец «Джервис». К северу от Триполи подорвались на минах крейсера «Нептьюн», «Орора», «Пинелопи», «Кэндахар». Я не имею права говорить о наших наличных силах, но... в общем, коммуникации нам сейчас защищать нечем. А ведь требуется еще поддерживать фланг египетской армии. Поясню, что в проводке даже небольшого конвоя из Гибралтара (три-пять транспортов) мы вынуждены были использовать основные силы одновременно западной и восточной эскадр. Для примера: лишь один конвой из Ла-Валетты в Александрию (семь судов) прикрывали три линкора, авианосец, пять легких крейсеров, шестнадцать эсминцев, подводные лодки. Теперь мы, увы, не можем позволить себе такой роскоши.

Сергеев невесело покивал головой и задумался. Потом спросил:

— Но хотя бы кодовую книгу нам

выдадут? Ведь мы сейчас как глухонемые: рация опечатана, объясниться со встречными судами не можем. Нас уже чуть не расстреляли батареи Фамагусты.

— К сожалению, кэптен... — развел руками адмирал, и Сергеев понял эти слова без переводчика. — Думаю, что в Порт-Тауфике или в Момбасе к вам смогут прикомандировать офицера связи. Я лично не располагаю...

Вечером накануне отплытия из Хайфы к свежевыкрашенному борту подошел катер. По трапу поднялись четверо. Английский офицер обратился с просьбой принять на корабль пассажиров.

Одним из них оказался уже знакомый Сергееву рослый блондин переводчик, двумя другими — худенькая черноволосая женщина и чернявенькая девчушка лет восьми.

— Жена и дочь, — представил их переводчик. — Господин капитан, не согласитесь ли вы, как на Руси говорят, подбросить нас в Англию? Я, видимо, смогу быть полезным со своим знанием языка.

Предложение было принято. Пассажирам отвели две каюты из числа предназначавшихся в мирное время участникам полярных экспедиций. Размещением пассажиров занимался комиссар. Когда он полчаса спустя зашел к штурману, с которым Сергеев обсуждал прокладку курса на Суэц, капитан, не отрывая глаз от карты, спросил:

— Устроились?

— Да... Только странно: почему-то он отказался от большой каюты. Вроде как раз для семейных. Попросил две. Пусть, говорит, не так уютно, зато для работы удобней... Родители, говорит, до революции в Ростове жили.

— Завтра ты его, комиссар, проинструктируй: что у нас можно, чего нельзя. Все-таки посторонние люди на борту.

Отплыли затемно, с дальнего рейда, и до рассвета шли самым полным. Надо было поспеть к обусловленной точке встречи с морским охотником, который англичане обещали выслать навстречу. Наступило утро, а море было пустынно.

Штормило, однако недостаточно сильно, чтобы помешать немецким субмаринам охотиться в этом привычном для них районе. Пошли противолодочным зигзагом, каждые пять минут меняя курс на тридцать градусов.

В ослепительно синем небе, причудливо изгибаясь, тянулся густой шлейф дыма. Появились «юнкерсы» — издалека заметят жертву.

Под вечер слева на горизонте возникла маленькая черточка: самолет! Сыграли тревогу. Но она оказалась напрасной. Английский «Веллингтон»

покружил над кораблем и улетел в сторону Суэца, оставляя на воде светящиеся буйки. Через час-полтора сигнальщик разглядел вдали судно под британским флагом. Оно приблизилось и легло на параллельный курс мористее ледокола.

С «Микояна» передали союзникам привет. На «охотнике» подняли флаг расцвечивания: «Добро пожаловать!»

Нервное напряжение, в котором жила команда последние сутки, спало: как-никак — теперь под охраной.

Сергеев покинул ходовую рубку и пошел в столовую-клуб. Свободные от вахты матросы были уже в сборе.

Наступила новогодняя ночь. Стрелки больших часов сошлись на двенадцати. Сергеев перевел глаза на репродуктор, и все взгляды тоже обратились к динамике... Так нужно было сейчас каждому из этих оторванных войной от дома людей услышать торжественный бой кремлевских курантов, могучие аккорды «Интернационала»!

Но репродуктор был нем...

Встал комиссар Новиков:

— С Новым годом, друзья! Я верю, боевое счастье нам не изменит. За жизнь и за победу!

Второй тост был провозглашен «за тех, кто нас ждет». По рукам пошли фотокарточки родных, близких.

5

«Мы все же надеялись, что ледокол вооружат. Однако в Порт-Тауфике поняли: местное командование не располагает для этого даже малыми возможностями».

Из рассказа электрика А. В. Токарева

В Порт-Саиде стояли недолго. Приняв на борт лоцмана, медленно, не поднимая волны, двинулись по Суэцкому каналу. Лоцман-египтянин рассказал, что немцы регулярно сбрасывают с самолетов магнитно-акустические мины. Уже не одно судно подорвалось, загораясь фарватер. Последние месяцы канал был закрыт в общей сложности семьдесят шесть дней.

До Порт-Тауфика, однако, добрались без приключений. Командующий местной военно-морской базой в тот же день пожаловал на ледокол. Это можно было расценивать как дань уважения к союзникам и как простое любопытство: таких кораблей ему еще не доводилось видеть.

Сергеев опять поднял вопрос о кодовой книге. И снова получил вежливый отказ. Офицера связи база тоже не могла выделить.

— Господин адмирал,— сказал Сергеев после того, как высокий гость осмотрел ледокол.— Нам нужны ору-

дия и зенитные установки. В Индийском небезопасно, да и Атлантика кишит субмаринами.

— Увы,— пожал плечами командующий.— Многого обещать не могу. Постараюсь что-нибудь выкроить. Что касается пути до Момбасы, то он практически безопасен. Наш флот господствует в Индийском океане.

— Я позволю себе возразить, господин адмирал. Именно у восточного побережья Африки германский вспомогательный рейдер «Пингвин» уничтожил 28 судов, прежде чем его потопил ваш крейсер «Корнуолл».

— О, это было еще в мае! — пренебрежительно махнул рукой адмирал.

— Да. Но «Атлантис» пиратствовал к югу от Аравийского полуострова совсем недавно. Разве есть гарантии, что немцы оставят в покое здешние важные коммуникации?

Адмирал нахмурился:

— Я вижу, вы хорошо информированы. Честь имею. Завтра вы получите орудие.

И где только, в каком складе ружьяди откопали эту пушчонку! Ствол ржавый, боек сбит, лафет расхлябан, броневой щит болтается. И, видимо, оттого, что орудие было слишком древним, снарядов к нему нашлось всего восемь.

— Салют наций, и тот не дашь,— усмехнулся Новиков.

Между тем мимо «Микояна» выходили в море коммерческие английские суда, снабженные в этом же порту современными шестидюймовками.

Потянулись однообразные дни плавания в Индийском океане. На палубе солнце жгло остервенело, в кубриках, каютах стояла духота. Особенно доставалось трюмной команде. Вентиляция, приспособленная для других широт, помогала слабо. Хорошо еще начпрод Кулагин разузнал один «секрет» завсегдатаев южных морей: жажду лучше всего утоляет овсяное пиво, — и сделал необходимые запасы. Кочегары по достоинству оценили эту предусмотрительность. И все же время от времени то одного, то другого моряка, потерявшего сознание, приходилось выносить на палубу и отливать водой.

Утром третьего дня на горизонте появился английский конвой. Два крейсера вышли из походного ордера и направились к «Микояну», угрожающе задрав стволы орудий. Не без труда удалось объясниться с союзниками. Башни крейсеров покатались «на ноль», серые громадины удалились восвояси.

Долго еще провожали их взглядами микояновцы, собравшиеся на баке: разве ж не стоил ледокол того, чтобы выделить ему, безоружному, провожатого? Какой-то корвет могли бы отрядить для приличия...

«Не располагая достоверными сведениями о реальной обстановке на морях, команда после захода в очередной порт тешила себя надеждой: дальше все будет легче, менее опасно, спокойней».

Из воспоминаний А. И. Голубкова

И вот Момбаса, морские ворота Кении, важнейший английский порт на восточном побережье Африки. Сергеев, Новиков, Марлян отправились с визитом к начальнику военно-морской базы, однако, кроме адъютанта, в штабе никого из офицеров не было. Сам коммодор должен был вернуться из Дурбана через день.

Адъютант, провожая гостей, удивился, что русских ожидает шлюпка:

— У вас нет катера?

— Потеряли в бою,— ответил Сергеев.

— Утром я прикажу выделить в ваше распоряжение мотобот. Команда сможет осмотреть город, развлечься. Кстати, господин капитан, вам не приходилось охотиться на слонов?

— Нет, не приходилось,— засмеялся Сергеев.

— Это нетрудно устроить. Здесь у нас есть замечательный охотник.

— Скажите ему,— попросил Сергеев переводчика,— что вряд ли у нас останется время на увеселения. Война...

— О! — весело возразил англичанин.— Время у вас, конечно, будет. Гуд бай!

Это «конечно, будет» насторожило Сергеева, но он промолчал. Только когда уже вернулись на корабль, Сергей Михайлович поделился сомнениями с комиссаром.

— Я тоже обратил внимание на эту последнюю реплику,— отозвался Новиков.— Если они хотят помурожить нас здесь, то зачем? И под каким предлогом?

— Возможно, скажут: ждите, пока снарядим конвой. Ладно, не будем гадать. Послезавтра прояснится.

* * *

Утром, как и обещал адъютант, к борту «Микояна» подошел щеголеватый мотобот, и часть команды отправилась на экскурсию.

Беседа с командиром базы на официальном приеме началась с обзора последних военных событий. Коммодор уважительно отозвался о мужестве русских войск, нанесших немцам поражения под Москвой, Ростовом, Тихвином. Однако высказал опасение, что с наступлением весны противник, конечно, усилит нажим и, пожалуй, снова захватит инициативу.

— Мы молим всевышнего, чтобы Россия выдержала этот страшный натиск,— сказал он.— Хотя бы до тех пор, когда Америка мобилизует весь свой огромный военный потенциал.

Как вы думаете, капитан,— спросил он Сергеева,— до какого рубежа ваши смогут, гм... воздерживаться от капитуляции? Волга? Урал?

— Капитуляция? — переспросил Сергеев.— Она будет подписана в Берлине, на развалинах рейха!

Командир встал и отодвинул шторку, скрывавшую большую, в полстены, карту Африки:

— Ваш дальнейший маршрут. Из Момбасы на ост. Южнее Сейшельских островов измените курс на девяносто градусов и направитесь к Маврикию. Обогнете с востока Мадагаскар на удалении пятьдесят-семьдесят миль, и...

Сергеев, Новиков, Марлян с нарастающим изумлением следили за движущейся по карте указкой. Наконец капитан не выдержал:

— Зачем такой крюк? Это же две тысячи миль лишку!

— Выбор маршрута продиктован соображениями безопасности.

— Разумеется,— кивнул Сергеев.— Вместе с тем...— он обернулся к переводчику.— Будьте любезны, подождите нас в приемной.

Переводчик пожал плечами и с видом оскорбленного достоинства вышел.

— Сэр,— решительно сказал Сергеев.— Мы должны идти прямо на Дурбан.

— Господа, это исключено! — коммодор заговорил быстро и раздраженно. Единственное, что поняли гости из его речи, — ссылку на приказ Британского адмиралтейства.

Потом он спохватился и стал внятно произносить короткие фразы:

— Прямой путь без охраны опасен. Нельзя рисковать. Корабль дорогой.

— Поставьте нам орудия,— сказал Новиков.

— Не уполномочен, — парировал коммодор.

— Код? — спросил Сергеев.

— Через неделю примете на борт офицера связи. С ним — два радиста и сигнальщик. Офицера зовут Эдвард Энсон. Между прочим, родственник ее величества королевы Великобритании.

— Очень приятно,— поклонился капитан и встал.— Ждем вас на корабле, сэр.

* * *

В большой капитанской каюте собрались офицеры, члены партбюро, комсорг.

— Вот какой сюрприз, товарищи,— заключил свое сообщение о визите в штаб базы Сергеев.— Окольный путь представляется мне ничуть не менее опасным, чем прямой. Если на коммуникациях немцы еще могут опасаться встреч с авиацией и кораблями англичан, то восточней Мадагаскара им никто не угрожает. Более того. В местном госпитале лежит моряк с нашего сухогруза. Он слышал разговор о встречах с немецкими и японскими подводными лодками в районе Реюнь-

она. Это как раз на пути нашего следования. Я намерен заявить коммодору протест против неоправданного удлинения маршрута. Вот текст. Надо собрать все наши познания в английском и пограмотней перевести.

Холин достал из шкафа словари, и работа закипела. Через час на официальный бланк ледокола «Микоян» легли строчки протеста. Капитан возлагал всю ответственность за задержку корабля и дополнительные расходы (две тысячи тонн одного угля!) на командование военно-морской базы Момбасы. И требовал незамедлительно сообщить о несогласии с предложенным маршрутом в Лондон.

— Если эту штуку придумали здесь, по собственной инициативе,— сказал Сергей Михайлович,— пусть подумают и о собственном кошельке. Сумма набегает внушительная.

На другой день документ был вручен коммодору, пожаловавшему с ответным визитом. Тот читал с непроницаемым выражением лица, а дойдя до четырехзначных чисел, означающих тонны и фунты стерлингов, поднял холодные глаза на капитана, поглядел пристально, губу нижнюю выпятил, головой качнул— ну и ну, мол. Потом сложил бумагу вдвое, передал адъютанту:

— Хорошо, я доложу командованию.

Консультировался ли он с адмиралтейством или ограничился радиопереговором с адмиралом Соммервиллом, командующим флотом Индийского океана, так или иначе, через неделю, представляя Сергееву офицера связи, разбитного малого с шальными искорками в глазах, коммодор сообщил, что требования капитана и команды удовлетворены— ледокол может идти напрямиком в Дурбан.

И на этот раз с грехом пополам объяснились без переводчика.

* * *

...С якоря снялись по традиции ночью. Курс Марлян проложил ближе к берегу, в стороне от «больших дорог». Офицеры уже завтракали, когда на подходе к Занзибару широко распахнулась дверь, на пороге кают-компания появился сияющий офицер связи Энсон:

— Прошу извинить меня, я опоздал: с шести часов дежурил в радиорубке. И счастлив предложить вам всем на десерт вот это.

Энсон достал листок бумаги и раздельно прочитал: «Радио Лондона сообщает: части английской армии в Киренаике за два месяца боев отбросили корпус Роммеля от границ Египта более чем на восемьсот километров и, взяв Эль-Эгейла, продолжают удерживать инициативу».

— В беседе о положении на фронтах,— продолжал Энсон,— наш ком-

ментатор специально отметил, что такой успех стал возможным, в частности, благодаря упорству Красной Армии, сковавшей главные силы фашистов. Для обеспечения своих перевозок в Африку немцы почти ничего не смогли перебросить с советского фронта. Им поневоле приходится сокращать свои операции в Атлантике. Но, господа, это не должно настраивать нас на беспечный лад. У Кейптауна неоднократно замечены немецкие лодки одиннадцатой серии— самые крупные и опасные. Замечу, что в Атлантике с июля по январь потоплено сто с лишним союзных судов. Впрочем, и отчаянию предаваться тоже не будем. Наша противолодочная оборона с каждым днем становится сильнее.

Завтрак окончился. Командиры разошлись. Вестовой убрал посуду. В каюте остались капитан, англичанин и переводчик.

— Господин лейтенант!— обратился Сергеев к Энсону.— Чем можно объяснить столь высокую честь, оказанную скромному советскому кораблю вашим назначением?

— Высокая честь?— рассмеялся Энсон.— Я всего лейтенант. Меня никто, в сущности, не назначал. Сам напросился. Ждал вакансии, услышал об удивительном русском корабле. Никто из моих однокашников не сможет похвалиться участием в таком отчаянном рейсе.

7

«Это был не менее трудный участок пути, чем все предшествующие. Мы пересекали районы, где в любой момент могли стать жертвой фашистских подводных лодок или рейдеров. Опасность подстерегала нас повсюду. И мы принимали все меры, чтобы скрытно от врага провести свой корабль к месту назначения».

С. М. Сергеев. «Огненные мили», М., изд-во «Красная Звезда», 1959, стр. 7

...Через двое суток стали на внешнем рейде Мозамбика, чтобы пополнить запас пресной воды. Когда к борту пришвартовался маленький танкер, встречали его только снабженцы и переводчик. Заправка отняла не больше трех часов, после чего танкер-цистерна отправился в обратный путь.

Для корабля все складывалось как нельзя лучше. Половина пути до Кейптауна— за кормой. Встречных судов нет. Ни разу не заметили ничего подозрительного.

Впереди — Южная Атлантика. К опасностям встреч с противником прибавится еще одна— «ревущие сороковые», район частых штормов и бурь. Только великий оптимист мог назвать мысом Доброй Надежды голые скалы южной части Африканского континента, где, по мнению мореходов, поселился злой дух океанских глубин.

С мостика виден весь корабль. От нечего делать артиллеристы холили пушку — смазывали колесики, драили медные рукоятки, красили броневой щиток. Маленькая, неуклюжая, она скорее походила на детскую игрушку и уж никак не на грозное оружие.

— Товарищ командир, учебную стрельбу бы провести, — предложил пожилой лейтенант. — Кто знает, как она поведет себя в бою.

— Снаряды выпустим, потом стволом, как дубиной, орудовать будем?

Сергеев поднял бинокль. Пустынно кругом, на воде нет и намека на легкую зыбь.

Но, вопреки всему, щемило сердце. Изредка на приличном расстоянии вдруг зарядит бурун — то ли акула охотится, то ли резвится дельфин. Но капитан готов к тому, что вместо плавника высунется на поверхность фиолетовый глаз перископа или торпеды прочертит гладь воды.

Рулевой внимательно следит за картушкой компаса, с негромким щелчком переводит рукоятки штурвала, и ледокол, чуть замешкавшись, неохотно зарывается носом вправо.

Сергеев похлопывает рулевого по плечу:

— А не объявить ли нам, братец, учебную тревогу?

Рузаков не по-уставному пожимает плечами: мол, дело хозяйское.

Громкоговорители трансляции огласили условный сигнал. Палубы, трапы загудели топотом ног. Люди, отдыхавшие после вахты, проворно занимали свои посты.

Рузаков резко повернул штурвал влево, затем обратно и вправо. Ледокол заметался из стороны в сторону, словно потеряв управление. Перешел на противоположный зигзаг.

Через семьдесят секунд Холин доложил:

— Команда обороны на местах!

— Орудие к бою готово! — отозвались комендоры.

Из машинного отделения донесся сдавленный узостью переговорной трубы басок стармеха Донаусова:

— Корабль к затоплению готов!

Ледокол опять приблизился к берегу, растворился на его фоне. Со стороны моря даже густой дым над ним можно было принять за извержение проснувшегося вулкана.

8

«В Индийском океане команда показала физическую выдержку и воинскую дисциплинированность».

Из рапорта М. И. Новикова

Солнце стояло в зените. Палило нещадно. Металлическая обшивка бортов и палуба так накалились, что на них, как на артельной сковородке, можно было жарить яичницу.

В Момбасе Сергеев хотел закупить партию ботинок. Однако валютные запасы были настолько ограничены, что их едва хватало на уголь и продовольствие. И теперь, чтобы стоять на вахте или просто пройти по палубе, приходилось обвязывать ноги тряпками.

Из окон капитанской рубки вынули стекла. Открыли иллюминаторы. Толку мало. Ртутный столбик термометра в каютах (в тени!) не опускался ниже +50 градусов по Цельсию. Особенно доставалось кочегарам, машинистам. В машинном температура перевалила за 80 градусов.

У топок люди теряли сознание. Их обливали забортной водой из брандспойтов.

На верхней палубе между двумя тросами натянули брезент в виде раструба, раскрытого по курсу корабля. Получилось нечто похожее на аэродинамическую трубу, захватывающую встречный поток воздуха. Здесь можно было дышать. По очереди поднимали снизу залитых потом людей, потерявших сознание. На вахту заступали те, кто еще мог кое-как держаться: артиллеристы, сигнальщики, слесари, повара.

Новиков был тут же. Подбадривал:

— Запасайтесь впрок теплом на арктические широты — до Баренцева еще придется и зубами постучать.

На брезентовой подстилке, неестественно вытянувшись, лежал кочегар. Врач нагнулся, пощупал пульс. Бросил хрипло:

— Сердце сдало.

— Первая смерть. И не в бою — обидно, — доложил капитану Новиков.

— Дай бог, чтоб последняя. Кстати, в машинное без освидетельствования врачом никого не пускать.

Капитан писал рапорт, который предполагал вручить командованию через наше представительство в Сан-Франциско: «За время перехода, особенно в южных широтах, большинство членов команды потеряли до 15 процентов собственного веса. Погиб один. Будем держаться до конца».

Он задумался и добавил не совсем официальную приписку: «Страшнее тропического зноя длительное отсутствие информации. Люди молчат, но я чувствую, как трудно хранить терпение!»

В зеленоватом отсвете зыби, разрезанной форштевнем, покачивались отражения надстроек, мачты, трубы. Кольца дыма надолго повисали в воздухе, медленно поднимаясь в высокое небо. Безвольно обвис на корме потрепанный, как у рабочего буксира, флаг. Вопреки ожиданиям Сергеева, «ревущие сороковые» не предвещали ничего страшного. Однако опытный капитан этот покой не принимал на веру. Настораживало, что за последние сутки, несмотря на усиленное наблю-

дение, на столь оживленной трассе не было замечено ни корабля, ни дальнего дыма.

Марлян, возившийся с секстаном, подошел к капитану:

— Не нравится мне эта корона.

Сергеев, Холин, Новиков, находившиеся на мостике, подняли головы: вокруг яркого солнца напластывался оранжевый венец. И хотя воздух был по-прежнему прозрачен, линия горизонта, четко обозначенная пять минут назад, исчезла. Отражения корабельных надстроек помутнели, расплылись.

— Сороковые верны себе. Объявите аврал,— приказал капитан.

Задребезжали сигнальные звонки, запела боцманская дудка.

— Люки, трап и снасти по-штормовому! — скомандовал Холин.

— По-штормовому! — зычно повторил вахтенный.

Работали несуетливо, размеренно. Одни готовили пластыри, другие проверяли помпы, третьи надежней закрепляли спасательные средства.

Ледокол загудел, покачнулся и замер, накренившись градусов на пятьдесят.

— Для начала неплохо,— подмигнул помощнику машинист Алексей Голубков.— Огни прошли, теперь — испытание водой. Выдюжит наша посудина — недаром ледоколом-спасателем называется.

Лобовой ветер сбавлял скорость, и Донаусов просил машинистов:

— Ребятки, ребятки, парку подайте.

— Это не баня, послушай-ка, что вытворяют винты.

За кормой творилось неладное. Гул винтов то совершенно замирал, то нарастал до грохота — ледокол начинало трясти, тоскливо скрипели переборки: винты то глубоко зарывались в воду, то оказывались в воздухе.

Начиналось самое неприятное — к бортовой прибавлялась килевая качка.

На кренометре не хватало пространства для отклонения стрелки — она неудержимо катилась вправо, чуть не касаясь упора: 40, 50, 54. Верхний предел! Ледокол замирал на боку — всего на несколько секунд, но измученным морякам они казались вечностью. Думалось, он уже не займет первоначального положения и перевернется вверх килем.

Изнемогала машинная команда и трюмные.

Когда ледокол поворачивался на бок, машины удушливо покашливали, сбивались с ритма — вот-вот заглохнут.

А стармех молитвенно просил:

— Пары держать! Изо всех сил!

— Выбиваются люди, от жары не справились,— пожаловался Донаусов заглянувшему в машинное отделение Холину.

— Шторм лишь начинается, что потом делать будешь?

— Остановим машины, ляжем в дрейф...

— И сразу перевернемся или выбросимся на скалы,— заметил старпом.— Держать пары во что бы то ни стало!

— Справимся. Вот только вентиляторы...

В топках бьется не белое, как обычно, а багровое пламя — не хватает воздуха.

— Придется пустить палубные вентиляторы,— предложил механик.

— И вместе с воздухом в машинное хлынет вода?

— Водоотливная система надежна... Тогда сумеем поднять пары за красную линию. Опасно? Разумеется, но иного выхода нет.

9

«Большие корабли гибнут обычно на мелководье».

Из записок С. М. Сергеева

Трое суток метался циклон, трое суток Южная Атлантика «ревела по всей шкале». Но вот стихия угомонилась. И по расчетам штурмана, вечером должен был показаться кейптаунский маяк.

Накануне лейтенант связи Эдвард Энсон ознакомил Сергеева с любопытным документом штаба Южноатлантического командования ВМС Англии. Документы свидетельствовали не в пользу военной стратегии его соотечественников. В январе — феврале подводные лодки противника, патрулирующие между заливом Святого Лаврентия и мысом Гаттерас, в довольно узком районе, пустили ко дну 44 судна союзников.

— Поэтому командование ВМС Британии считает, что адмирал Дениц бросил сюда все подводные силы, имеющиеся в его распоряжении? — скептически улыбнулся капитан.

— Разве вы сомневаетесь?

— В таких случаях у нас говорят: у страха глаза велики. Не лучше ли вместо домыслов по-настоящему заняться организацией конвоев? Иначе и десять субмарин покажутся флотом...¹ Простите, сэр, какое это имеет значение для нас?

— О, самое непосредственное! После блестящих результатов первого удара по судоходству США часть вражеских подводных лодок передислоцировалась в Карибское море. Только одна из них за четырнадцать дней потопила девять судов.

¹ Сергеев был прав. Как выяснилось позже, в опустошительной деятельности гитлеровских подводных лодок у берегов Америки в начале 1942 года никогда не участвовало больше 12 подводных лодок.

— Вы уверены, что Карибского моря ледоколу не миновать?

— Признаюсь из уважения лично к вам, капитан: в разговоре с офицером штаба адмирала Тайта мне намеком дали понять — в бухте Провидения ледокол ждут ваши эсминцы. Кратчайший путь — через Панаму.

— Я был бы премного благодарен за информацию о событиях в районах предполагаемого маршрута.

— Капитан, что может знать простой лейтенант?

— Которого соотечественники принимают с королевскими почестями, — в тон ему добавил Сергеев.

Энсон был польщен.

— Помимо подводных лодок немцы направили в Атлантику три замаскированных вспомогательных крейсера — «Тор», «Стир» и «Михель». Здесь же крутится и минный заградитель «Доггербанк». Хотя противник пока не уделяет особого внимания нашему судоходству в зоне мыса Доброй Надежды, он, как видите, и не оставляет его в покое.

— А какова обстановка на Тихом океане?

— К сожалению, после уничтожения большей части американского флота в Пирл-Харборе и ядра английского Восточного флота в Южно-Китайском море союзники не располагают силами, чтобы остановить японское наступление. Оккупированы Филиппины и большая часть Малайи, японские войска высадились на островах Борнео и Целебес. Нависла угроза над Явой. Теперь они присматриваются к Алеутским островам.

— Как к плацдарму для вторжения в США?

— Вероятнее всего, — с Россией Япония не воюет.

— И все же не упустит случая утопить любой корабль.

— Кто разберется в этой суматохе! Остерегайтесь, встреча с японцами не менее опасна, чем с подлодками адмирала Деница.

— Разделяю ваше мнение. И спасибо за откровенность.

Итак, Панамский канал. А там, вдоль побережья США, — в бухту Провидения. А дальше, видимо, в Баренцево море. По карте с Марляном прикинул: тринадцать тысяч миль до своей земли плюс шесть тысяч по Северному Ледовитому. Значит, за кормой только треть пути, и главное еще впереди.

* * *

...Суматошный и в мирное время, Кейптаун, лежащий на скрещении океанских стратегических путей, теперь жил особенно напряженно. Каждые сутки в порту швартовалось до десятка транспортов под флагами разных стран мира. И столько же уходило от причалов. А между ними сно-

вали быстроходные катера пограничной охраны и таможни, допотопные фелюги, утюжили сизую от мазута бухту неповоротливые танкеры. Военные корабли, гордясь независимостью и красотой, держались особняком у бонов заграждения. Казалось, городу тесно на суше и добрую половину ревущих, грохочущих лебедками и якорными цепями кварталов он столкнул с бурого каменистого берега в бухту.

Ранним утром советский ледокол приближался к причальной стенке. Обычно пустынные в этот час набережные не могли вместить зевак. Дивились непривычным очертаниям судна, толпившимся на палубе матросам в разношерстном одеянии, лихости маневра.

Излишнее внимание претило Сергееву. Если бы команда не нуждалась в кратковременном отдыхе, а машины — в профилактическом ремонте, он настаивал бы на немедленном продолжении рейса, благо командование британских ВМС вроде бы не препятствовало намерениям капитана. По тону разговора с чиновником штаба в Дурбане Сергей Михайлович понял: и на этот раз о конвое мечтать нечего.

Поскольку приходилось рассчитывать только на свои силы, команда приводила корабль в порядок. Механики сменили подшипники гребных валов, заклепали паропроводные трубы, провели щелочение котлов — устраняли те неполадки, которые остались с Хайфы.

Наконец все было готово, и Сергеев поехал в штаб военно-морской базы за разрешением на выход.

— Когда думаете отправляться? — спросил помощник адмирала Тайта.

— Сегодня же вечером.

— Вечером? — переспросил офицер. — Не советую. Противник активизировался, авиаразведка несколько раз засекла его рейдеры на подходах к Кейптауну. Судя по выправке, вы — боевой офицер и должны понимать: ночь для разбоя — лучшее время.

— Мы уже давно не разделяем опасности на дневные и ночные. Одиночному кораблю легче проскочить в темноте.

— И все же я не вправе удовлетворить вашу просьбу — таков приказ командования. Больше того, господин капитан, я должен развеять ваши иллюзии: Панамский канал, точнее, Карибское море чрезвычайно опасны для одиночного корабля.

— Что вы имеете в виду? — встревожился Сергеев.

— Получите новый маршрут, — офицер подал пакет с тремя сургучными печатями.

— Разрешите вскрыть в вашем присутствии?

— Если не боитесь разглашения тайны, — церемонно поклонился офицер.

— Какие секреты между союзниками! И последнее,— обратился капитан к переводчику.— Переведите господину коммодору: не желая обременять друзей излишними хлопотами, настаиваю на списании с корабля переводчика и офицеров связи, за исключением Эдварда Энсона.

Англичанин легко согласился. Вероятно, в его понимании ответственность за русский корабль снижалась пропорционально сокращению численности британского персонала на нем.

— Не возражаю. Но отложим разговор до утра. Ознакомьтесь с маршрутом— у вас есть еще время для подготовки своих соображений.

Сергеев понял: настаивать не имеет смысла. Не раскрывая пакета, понял он и другое: поскольку в Карибское море и к Британским островам ледоколу хода нет, а цель оставалась прежней— бухта Провидения, придется пересекать Атлантику где-то по 34-й параллели южной широты, через Магелланов пролив выходить в Тихий океан и от мыса Горн следовать в Берингов пролив. Намного удлинится путь к месту назначения. Уменьшаются ли соответственно опасности?

Угрюмые, подавленные, сидели в капитанской каюте Сергеев, секретарь партийной организации Новиков, стармех Донаусов, штурман Марлян. Дверь закрыта на ключ. Свернуты в рулон отработанные карты. На столе разложены новые. Проштудированы лощи. Все выверено и промерено.

Далеко за полночь Сергеев подвел итог: лишние мили только увеличивают вероятность встреч с фашистскими рейдерами. А что касается японских, то предложенный маршрут пересекает волчье логово. Путь лежит едва ли не через все зоны влияния японского флота, в последнее время весьма сильно активизировавшегося в южной части Тихого океана и в прилегающих морях.

— Не убежден, что принято верное решение. Тем не менее, нам не остается ничего другого, как действовать предписанным образом. Спор с адмиралтейством бесполезен,— подвел черту Сергеев, закрывая документы в несгораемый сейф.— Ну что же, до утра!

Капитан вышел на мостик. Кейптаун, разукрашенный разноцветными огнями, спал. Дремали в бухте корабли, посапывая стравливаемым паром.

— Красота!— с завистью вздохнул командир отделения сигнальщиков Полищук.

— Красота,— тихо, будто боясь нарушить величественный покой ночи, повторил Сергеев.— А ведь увидим мы ее и на своей земле, товарищ Полищук!

— Обязательно, товарищ командир!

В предрассветном тумане завывли портовые сирены. Береговые посты наблюдения донесли: на горизонте появился немецкий рейдер. Эсминцы из-за боновых заграждений рванулись ему навстречу. Однако в проходе маячил громоздкий голландский транспорт. Его поторапливали семафором. Но то ли лоцмана не было на судне, то ли капитан чрезмерно осторожничал в незнакомом порту: транспорт застрял в горловине бухты.

И вдруг перед его носом взметнулся столб воды. Эхо минного взрыва прокатилось в горах. Транспорт сначала вздыбился, осел на корму, затем зарылся носом в воду так, что лопасти винтов бессильно крутились в воздухе¹.

И вот развязка. Выход перекрыт. Эсминцы в ловушке. В бухте паника: стоило налететь авиации противника, и скопище кораблей за минуту могло превратиться в гигантский пылающий костер.

Только к вечеру полузатонувшее судно отбуксировали с прохода. Эсминцы вышли на оперативный простор. Однако рейдера не обнаружили.

Темнота сгущалась. Накрапывал дождь. «Микоян», лавируя между судами, выбирался на рейд. Сергеев радовался: в непогоду больше шансов проскочить незамеченным. Когда он сказал об этом лейтенанту связи, дежурившему у семафора, тот беспечно бросил через плечо:

— Не волнуйтесь, кэптен! В состоянии боевой готовности приведены все наличные силы.

— Силы, где не налажена даже система опознавательных знаков, часто бессильны и перед слабым противником,— съязвил Сергей Михайлович.

— Упрек не в мой адрес. Я не адмирал Тайт и поэтому не могу разделить с ним ответственности.

— Ответственности перед историей?

— Да! И перед Россией...

¹ Мины поставил немецкий вспомогательный минный заградитель— бывшее английское судно «Спейбанк», захваченное гитлеровцами в начале 1941 года в Индийском океане и переименованное после переоборудования в «Доггербанк». Он еще 12 марта был обнаружен патрульным самолетом в 100 милях западнее Кейптауна, но дал опознавательные сигналы однотипного английского судна «Ливербанк», якобы следующего из Нью-Йорка в Кейптаун, и беспрепятственно пошел дальше. В ту же ночь он поставил мины заграждения, причем в момент постановки его засек легкий крейсер «Дурбан», который, получив ложные опознавательные «Ливербанка», оставил его в покое. На следующий день вспомогательный крейсер «Чешайр» обнаружил минный заградитель к юго-востоку, и снова сработали опознавательные, правда, на сей раз «Инвербанка».

Едва за кормой остались боновые заграждения, Сергей Михайлович перевел ручку телеграфа на «самый полный». Ледокол лег курсом в Атлантику.

К тревогам нынешним присоединились завтрашние. Командир не мог отрешиться от гнетущего чувства, будто шарит руками в потемках. Об обстановке союзники его информировали довольно подробно. И тем не менее, интуитивно он ощущал какую-то недоговоренность, настороженность: его все время держали на почтительном расстоянии от достоверных событий. Выдавали второстепенное за главное либо наоборот.

Что сейчас творится на Тихом океане, как по отношению к нашей стране ведет себя Япония? Предостережения англичан «воздерживаться от встреч с дальневосточными соседями» капитан воспринимал, как предупреждение о ненадежности нейтралитета страны. Ожидать следовало всего. Когда война только начиналась, советский посол в Токио К. Сметанин задал Мацуоке, министру иностранных дел Японии, лобовой вопрос: «Будет ли Япония соблюдать договор о нейтралитете, заключенный в апреле 1941 года?» И услышал недвусмысленный ответ: «Основа нашей внешней политики — тройственный пакт, и если договор с СССР о нейтралитете окажется в противоречии с пактом, то он не будет иметь силы»¹.

Какова же военная ситуация в районе сейчас? Еще в Момбасе Сергееву сообщили: японские самолеты 17, 18 и 20 декабря атаквали и потопили транспорт «Перекоп» и танкер «Майкоп». «Перекоп» шел под государственным флагом СССР.

* * *

— Господин лейтенант, — обратился Сергеев к Энсону, — скажите, что вам известно о провокациях японского флота против наших кораблей?

— На днях советский транспорт (не знаю названия)² наткнулся при переходе из Петропавловска во Владивосток на японскую эскадру. Самолет сбросил на палубу вымпел с требованием лечь на указанный курс. Во избежание недоразумений капитан подчинился. Затем к транспорту приблизился эсминец, и капитана, за неимением более веских улик, обвинили в «передаче по радио военной сводки». Транспорт отвели в Кушимото, а потом отпустили. Но вскоре после выхода из порта его... потопила подводная лодка.

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 5, стр. 524.

² Речь идет, по всей вероятности, о транспорте «Ангартрой», потопленном японцами весной 1942 года.

Союзники располагали убедительными данными о том, что японцы готовили десантную операцию для захвата островов атолла Мидуэй, надеясь заставить главные силы американского флота принять бой, с тем чтобы уничтожить его по частям. Одновременно они планировали оккупацию островов Ату, Кыска и Адах на Алеутах.

Но капитан, разумеется, и не догадывался, что японские силы вышли из своих баз в период 24—27 мая. В соединение входили 4 тяжелых авианосца — «Акаги», «Кага», «Хирю» и «Сорю». Его поддерживало оперативное соединение адмирала Ямамото, включавшее семь линейных кораблей, легкий авианосец и большое число кораблей других классов.

Где-то должны были скреститься пути этой армады и безоружного ледокола...

10

«Пути, по которым шел ледокол „Микоян“, не совсем обычны. По ним редко кто плавает в военное и даже в мирное время. В прошлом это были „большие дороги“ парусных судов».

С. М. Сергеев. «Огненные мили». М., изд-во «Красная Звезда», 1959, стр. 8.

Чередовались дни и ночи, похожие друг на друга. За первую неделю — никаких неожиданностей. Более того, иногда чудилось капитану, что океан безмятежен и нет ни войны, ни смерти рядом — только вода и одинокий корабль в безбрежных просторах.

Шли на «самом полном». Машинисты и без указки понимали преимущества скорости, поскольку надеялись, что у восточного побережья Америки гораздо спокойней, чем здесь. Лишь несколько лет спустя после этих событий стало известно со слов американского историка Моррисона, что ВМС США были совершенно не подготовлены — ни материально, ни морально — к борьбе с немецкими подводными лодками, действовавшими у побережья.

Британский адмирал Нубл в письме первому лорду адмиралтейства, опубликовав эти документы после войны, отмечал: «Командование западных подступов, благополучно проведя конвой через Атлантику, узнает позднее, что многие из судов этих конвоев становятся легкой добычей немецких подводных лодок у восточного побережья США или в Карибском море»¹.

И с 15 марта по 20 апреля 5-6 вражеских субмарин потопили свыше 35 союзных судов!

«Микоян» шел противолодочным зигзагом. В отличие от средиземномор-

¹ «Тихоокеанский флот». Воениздат, 1967, стр. 236.

ского рейса, он имел теперь «уши». Радиорубку по настоянию капитана расконсервировали. Правда, ледокол мог только слушать, ничего не передавая в эфир, чтоб не обнаружить себя.

Когда Петров впервые включил рацию, казалось, что весь океанский воздух был наэлектризован тревожным и жутким «SOS». Капитан датского сухогруза сообщал о бедственном состоянии корабля, торпедированного лодкой. Радист английского судна выбивал координаты столкновения с рейдером. Кто-то шпарил открытым текстом: «Шлюпки спустить не удалось. Все погибли».

В призывах, не находящих ответа, звучали отчаяние, страх, боль, надежда. Рядом с рацией сидел капитан Сергеев. Каждый всплеск морзянки отдавался в сердце.

— Вахтенным смотреть в оба! — приказал он, выйдя на мостик.

Благополучно миновали пролив Дрейка. Спустя несколько дней после выхода из чилийского порта вахтенные заметили на горизонте огромное зарево. Отчетливо доносился гул канонады. Где-то шел бой либо горел транспорт с боеприпасами.

Подводные лодки противника с минуты на минуту могли появиться буквально рядом. И когда с носа сообщили: «Вижу перископ!» — Сергеев не удивился, будто заранее приготовился к встрече.

— Объявите тревогу! — крикнул он Рузакову.

— Есть!..

По кораблю разнеслись сигнальные звонки. Комендоры заняли места у единственной пушки. Впрочем, они и не уходили от нее — здесь же спали, сюда судовой кок носил им завтраки, обеды и ужины.

Сергеев поднял бинокль. Впереди, в миле по курсу, двигалась горбатая спина. Странно, подлодка не шла на сближение. Пересекла курс и удалилась, не обращая внимания на ледокол.

«Неужели поставила мины?» — подумал Сергей Михайлович и посмотрел на рулевого, чтобы отдать команду на левый поворот, но вместо этого совсем по-штатски попросил:

— Давай, Рузаков, прямо вперед!

— А если мины, товарищ капитан?

Значит, о минах думал не только он. Эта мысль мелькнула и у рулевого, Новикова, наблюдателей — у всех тех, кто знал о появлении лодки.

— Лодка справа по борту! — прокричал сигнальщик правого сектора наблюдения.

Как назло, стояла полная луна. Океан матово блестел. И только невдалеке искрился вихрастый след перископа.

— Атакует с надводного положения, — как-то уж очень спокойно ска-

зал Рузаков, не оборачиваясь к капитану.

Пушка готова к бою. Артиллеристы ждали команды. Сергеев же не торопился. Он не питал иллюзий относительно возможностей этого орудия — восемь снарядов и ни одной учебной стрельбы. Как поведет оно себя?

На мостике появился лейтенант связи:

— Кэптен, на позывные не отвечает!

Несомненно, противник уверился в безоружности корабля и выбирал выгодную позицию для атаки без промаха.

— Орудие, товсь! — скомандовал капитан.

— На цели!

— Ноль!

Багровая вспышка рванула ночь. Столб воды взвился далеко позади лодки.

— Четыре деления ниже, товсь!

— На цели!

— Ноль!

Второй снаряд упал с недолетом и чуть правее.

— Мазилы, — проворчал Рузаков.

— Ствол хоть веревками подвязывай, — огрызнулся артиллерист.

— Атакует, атакует, атакует! — доложили сразу с трех постов.

— Смотреть торпеду!

И сразу с кормового сектора:

— Бурун на траверзе!

— Бурун на траверзе, бурун на траверзе, — повторили другие.

— Машины враздрай!

Ледокол чуть замер на месте, затем быстро, чтобы уменьшить цель, повернулся вокруг оси на 90 градусов — носом к лодке. Серебряная в лунном свете дорожка пролегла с правого борта метрах в пятидесяти.

— Мимо!

— Орудие, товсь!

— На цели!

— Ноль!

Снаряд упал совсем близко, окатив водой рубку.

«Микоян» воспользовался затишьем, отрабатывал помалу назад, не подставляя борта под удар. Капитан недоумевал: почему противник не выходит на атаковую позицию? Нет, кажется, разворачивается... Что такое — уходит на глубину?

— Погружается! — подтвердил наблюдатель.

Сергеев и сам уже видел: подлодка набирает балласт. Странно. Для подводной атаки море достаточно спокойно. Огневая «мощь» ледокола известна — зачем же терять время для подводной атаки? Какого дьявола там затевают...

И совершенно неожиданно:

— Слева по борту огни!

Решалась участь корабля: если это рейдер противника, на спасение на-

деяться нечего, если союзный конвой... Впрочем, здесь они ходят очень редко.

— Корабль к затоплению!

— Есть корабль к затоплению,— глухо повторил вахтенный.

Между тем неизвестное судно приближалось. Прорезались огни, затем многоступенчатые надстройки. Ледокол явно заметили — семафором запросили позывные.

— Что отвечать, товарищ капитан?

— Молчите...

— У них пушки на «нуле», — заметил Рузаков.

— Приготовиться! Орудие, товсь!

— На цели! — отозвался артиллерист.

Сергееву вдруг стало смешно: что они с этим самопалом против рейдера, вооруженного по первому классу, — снаряд для него, как укус комара.

Искоса посмотрел на помполита, на Эдварда Энсона. Первый спокоен, только желваки играют на скулах, выдают сдерживаемое волнение. Второй нервничает, вглядывается в силуэт.

— Кэптен, по курсу британский вспомогательный крейсер «Астурия»! — голос англичанина сорвался на фальцет.

— Ответьте на позывные...

— Спрашивают, что случилось и не нуждаемся ли в помощи.

— Доложите примерные координаты подлодки. Поблагодарите за предложение.

Поприветствовав друг друга, корабли легли на противоположные курсы.

* * *

И вот уж они на финишной прямой к родным берегам. По этому случаю кок приготовил самый роскошный за весь переход обед. В кают-компании накрыли стол, где главным украшением был бочонок доброго алжирского вина из старых запасов. Выпили за удачу, за скорую встречу со своими в бухте Провидения, за быстрое окончание рейса.

Корабль шел, не сбавляя скорости. Стояли по местам вахтенные, не ослабляли наблюдений за горизонтом сигнальщики. У радиостанции неотступно дежурил Петров. В эфир по-прежнему не выходили и, как говорил радист, только прослушивали пульс океана. Часто Петров докладывал капитану, что слышит японцев на ультракоротких волнах. Следовательно, их корабли находились в пределах прямой видимости, и если «Микоян» оставался не обнаруженным, то лишь потому, что скрывали его ночь и затяжная непогода.

Но однажды радист вошел в кают-компанию бледный, растерянный:

— Пал Севастополь...

Воцарилось гробовое молчание. Наверно, четверть команды так или иначе была связана с этим городом. У кого-то там оставалась жена, у ко-

го-то — родители. Почти все механики и машинисты кончали перед войной Севастопольскую военную школу и считали этот город вторым домом.

— На советско-германском фронте сконцентрировано 229 дивизий противника. Развертываются крупные наступательные операции гитлеровцев на кавказском направлении. Фашисты рвутся к майкопской, бакинской и грозненской нефти. Они вышли к Волге...

— Россия у Волги не кончается, — твердо сказал Сергеев.

Все эти месяцы скудные сведения о событиях на Родине воспринимались как отзвуки далекого боя. Разгром врага под Москвой вселил оптимизм. Успехи наших под Тихвином и у Ростова-на-Дону обнадеживали.

— Что я могу сказать, друзья? Что бы там ни случилось, мы верим в непобедимость русского народа!

* * *

Возле Алеутов показался самолет. Он шел параллельно курсу на бреющем, едва не касаясь брюхом воды, — обыкновенный морской разведчик. Красно-белые круги на крыльях выдавали его принадлежность к военноморским силам Японии. Поскольку у него не было шасси, следовало предположить, что он выпущен катапультной с какого-нибудь линейного корабля или тяжелого крейсера, до которого несколько десятков миль. Непрошенный визитер пожаловал под вечер: в лучах заходящего солнца самолет закрутил над «Микояном» тугую спираль и исчез.

Сергеев прикинул: если вызвал корабли, их надо ждать не раньше как через восемь часов.

— Плохо, подспеют к рассвету, — вздохнул Холин, внимательно следивший за подсчетами капитана, — надо менять курс.

Марлян предложил прижиматься к берегу.

— Знаешь, надоели мне эти берега. Ты мне скажи: где нас будут искать, если начнут преследование? Конечно же, не мористее, — возразил капитан.

— Повернуть назад? — удивился Марлян.

— Да, с небольшой вилкой. С тем, чтобы на рассвете идти обратно — за спиной японцев.

— Рискованно. Мало шансов, что акустики не услышат шума винтов.

— Ну, для этого кораблям нужно лечь в дрейф, а им некогда выжидать. Если до сих пор мы сумели использовать единственный шанс из ста, неужели сейчас упустим возможность?

Их могла спасти только дерзость. Очевидно, разведчик принадлежал кораблям ударного авианосного соединения, действовавшего до весны 1942 года в Голландской Восточной Индии и в середине апреля, после налета амери-

канских самолетов «Б-25» на Токио, вернувшегося в воды метрополии. Об активности соединения Сергеева предупредили в нашем консульстве в Сан-Франциско: это соединение с 7 декабря 1941 года по 9 апреля 1942 года наносило удары по кораблям и береговым сооружениям в Пирл-Харборе, Рабоуле, Амбионе, Дарвине, Тринкомали и Коломбо. Потери союзников от атак японской авиации были значительны: пять линейных кораблей, авианосец, крейсер и семь эскадренных миноносцев были потоплены или тяжело повреждены; три линкора, столько же крейсеров и один эскадренный миноносец вышли из строя на длительное время. Японцы уничтожили и сотни боевых самолетов. Несмотря на такой масштаб действий, ни один корабль ударного соединения японцев не был не только уничтожен, но и поврежден.

И вот теперь наш ледокол на всех парах спешил на сближение.

Капитан обошел посты наблюдения, выставил дополнительные, велел радиосту прощупывать эфир на ультракоротких. Уже за полночь Петров доложил: «Слышу японцев!»

Повернули еще на несколько румбов мористее. Эфир онемел. Машины застопорили и легли в дрейф. Стало сиротливо и тихо.

— Огни справа по борту!

Три оранжевых светлячка возникли в темноте, какое-то время мерцали в отдалении. Через час ледокол развернулся и лег на обратный курс, пристроившись в кильватер к японцам.

— Утром опять жди разведчика, — высказал беспокойство Новиков.

— Вряд ли он пойдет по своим же следам. К тому же на рассвете мы будем вне досягаемости авиации.

Прошло несколько часов томительного ожидания. Наступило утро. Горизонт был чист. Галдели чайки, ловко увертываясь от дыма. Как будто ничто не предвещало появления кораблей. Солнце уже достигло зенита, прозвенели полуденные склянки, когда с носового поста раздался крик:

— На траверзе подводные лодки!

Тревога! Прильнул к окуляру пушки наводчик. Заняли места команды обороны и затопления. Исчез бурун за кормой, и ледокол закачался на волне.

Сергеев поднял бинокль. Верно, прямо по курсу подвсплыли две лодки с флажками неопределенного цвета. Очертания непривычные — нет рубки. И ведут себя странно: держатся неподвижно, словно выжидают, когда ледокол сам займет удобную для торпедирования позицию.

И вдруг капитан расхохотался — раскатисто, громко.

— Рузаков, так держать!

Ледокол опять забился дрожью, двинулся вперед.

Через пять минут, когда поравня-

лись с лодками, разряжаясь от нервного напряжения, хохотала уже вся команда. На волне, поблескивая лакированными спинами, покачивались... киты. Чтобы удержать туши на плаву, китобой накачали их воздухом и установили для удобства поиска флажки-метки.

Еще через двое суток, ничем не примечательных, если не считать, что в течение их никто не сомкнул глаз, «Микоян» вошел в свои территориальные воды, отметив событие орудийным салютом. Другой снаряд артиллеристы пустили в расход, когда на горизонте проступила узкая полоска земли — родной земли.

Пограничный катер, отваливший от маленького островка, запросил позывные. Ему ответили. Однако на катере не унимались:

— Что за стрельба — уж не котлы ли взрываются?

— Передайте, — кивнул Сергеев сигнальщику, — отмечаем успешное завершение рейса.

Их поздравили с возвращением на Родину.

Каменистый берег, источенный заливами и бухточками, плыл вдоль борта, то исчезая, то вновь появляясь в виду. «Микоян» загудел басовито, раскатисто. Эхо вернуло многократно повторенный зов. Берег оборвался — открылись узкие «ворота», у которых, как часовой, возвышался острый утес, источенный волнами. Ледокол, извещая о себе гудками, входил в бухту Провидения.

11

«В конце навигации на переходе к горлу Белого моря, наскочив на мину, получил серьезные повреждения ледокол „Микоян“».

М. Белов. «История открытия и освоения Северного морского пути». Гидрометеиздат. Л., 1971, т. 4

Сергею Михайловичу было жаль расставаться с людьми, с которыми за рейс сроднился куда крепче, чем могли бы это сделать годы рядовой дружбы. Но приказ предписывал сдать ледокол новому капитану Ю. П. Хлебникову. Да и трассу северных морей знал не настолько, чтобы вести ледокол, а теперь еще и лидер «Баку», эсминцы «Разумный» и «Разъяренный» в Мурманск.

Корабль меж тем приводили в порядок: красили обшарпанные борта, оснащали спасательными средствами, меняли обычные винты на ледовые, прилаживали на корме пушки.

На боевых судах бойко стучали топоры. Поскольку не исключалась встреча с тяжелыми льдами, в трюмах устанавливались дополнительные шпангоуты — специальные распорки из бревен. Корпуса по ватерлинии обшивали толстыми досками во избежа-

ние вмятин. Торопились с отходом, чтобы покрыть расстояние до закрытия навигации. Наконец ледокол, оглашая побережье гудками, вышел из бухты на внешний рейд, где его ждали эсминцы. Взял курс на Берингов пролив. Недобрым предзнаменованием прозвучало сообщение по корабельному радио: «Вчера фашистский надводный рейдер — „карманный“ линкор „Адмирал Шеер“ проник в Карское море и потопил героически сопротивлявшийся ледокольный пароход „Сибиряков“. Последними наблюдениями зафиксировано появление вражеских подводных лодок у горла Белого моря, в Карском море и у Новой Земли».

Ровно пыхтят машины. Винты вспенивают свинцовую воду. Колышутся на кильватерной волне редкие льдины изумрудной расцветки. Густой дым стелется позади.

На подходе к морю Лаптевых военные корабли отстают. Командир отряда передает на «Микоян» семафором: «Следуйте курсом. Вас нагоним».

Гремят позади артиллерийские залпы. Пользуясь благоприятной обстановкой, командиры проводят боевые учения: лидер и эсминцы в любой момент должны быть готовы к сражению. По прибытии в Полярное они сразу уйдут в конвой.

Слились границы дней и ночей. В море Лаптевых попали в жесточайший шторм. У пролива Вилькицкого суток двое штурмовали девятибалльный лед. Заходили на Диксон, приняли на борт членов штаба морских операций.

...В ненастный полдень 10 октября ледокол вошел в Баренцево море, «разменяв» двадцать пятую тысячу миль. Бесновалась непогода. Шквалистый ветер лепил снежными зарядами. Видимость упала до нуля. Но это уже не омрачало приподнятого настроения команды.

На мостик к Хлебникову поднялся руководитель операции от Главсевморпути Белоусов:

— Итак, Юрий Павлович, мы почти дома... И все же... — Михаил Прокофьевич развернул хрустящую карту, — прикажите штурману и вахтенному рулевому не отклоняться ни на один румб. Это опасно.

— Минные поля?

— Да. Вот их контурное обозначение: слева — наши, впереди справа — вражеские.

— Горловина достаточно широка — даже с поправкой на снос узости хватит.

— По данным авиаразведки, в течение последних дней наблюдались мины, сорванные волнением с минрепов. Тральщиками взорвано их три десятка на самых оживленных коммуникациях.

— В таком случае, нужно выста-

вить и дополнительные посты наблюдения, сбавить ход, — предложил Хлебников.

— Ну, что ж, береженого и бог бережет.

Замедлив ход, ледокол сильнее закачался на волне.

— Капитан второго ранга Обухов радирует: эсминцы задержались на маневре у Югорского Шара и нагонят нас у Кольского залива, — доложил Петров, передавая Хлебникову шифровку.

Позади ледокола на полнеба сверкнуло зарево. Страшным толчком подбросило корму. Брызнули стекла. На палубу, мостик, надстройки обрушилась вода — корабль грузно осел.

Свет погас. Зловещая тишина расползлась по сторонам.

Из люка выскочил перепуганный Донаусов:

— В машинном отделении вода. Пробоина на корме ниже ватерлинии!

— Задраить кормовой отсек!

Из раструба донесся приглушенный голос Голубкова:

— Задвижку заклинило!

Вряд ли кто узнает, о чем думал в этот миг Хлебников. Несомненно, он понял: если вода поднимется на уровень топок, не миновать взрыва и гибели корабля. Однако изолировать машинное не удастся — деформирована взрывом стальная задвижка в проеме, связывающем кормовой отсек с сердцем ледокола.

— Запустить помпы!

— Помпы работают, командир! — доложил Голубков.

— Как вода?

— Прибывает...

— Подключить пожарные насосы!

И тут же еще тревожная весть: помпы действуют вхолостую — заборные решетки забиты обтирочными концами, хранившимися в отсеке. Открывать шланги напрямую нельзя — ветошь попадет в клапана, и насосы вообще выйдут из строя.

На корме десятков матросов спускали за борт четырехслойный брезентовый пластырь, прошитый тросом. Но ледокол двигался вперед по инерции, и тяжеленная пробка не прижималась к пробоине, ее относило назад.

Капитан перевел ручку машинного телеграфа на «стоп», затем «назад».

Реакции не последовало.

— Командир, хода нет: обрублены винты! — донеслось из раструба.

Не успел капитан принять решение, как подбежал возбужденный штурман с развернутой картой. Доложил, что усилившийся ветер ускорил дрейф корабля к берегу.

— Какова скорость дрейфа?

Штурман назвал цифру.

— Если ничего не изменится, от границы минных заграждений нас отделяет шесть часов, — подсчитал Марьян,

— Петров, запросите координаты отряда,— приказал Хлебников радисту.

— Только что капитан второго ранга Обухов выходил на связь. Отряд миновал Югорский Шар и находится в 150 милях от нас...

— Давайте радиограмму: «Потеряли ход и управление, терпим бедствие!» «Семь-восемь часов хода... Не успеют»,— мысленно подвел черту, как приговор, Юрий Павлович.

Основной аварийный пластырь, который, наконец, удалось завести, не перекрывал пробоины. Пришлось сшивать второй. Дифферент на корму увеличивался.

В отсеке шла жестокая схватка за жизнь корабля. Поняв, что иного не придумаешь, машинисты Голубков и Десятников, матросы Попков и Злотник, сняв одежду, ныряли в ледяную воду — уровень ее уже поднялся в отсеке до двух с лишним метров — и, коченея, задыхаясь, очищали заборные решетки от ветоши. Вынырнув, чтобы схватить воздуха, они погружались снова.

Судорогами сводило тело. Руки, пальцы плохо сгибались. В голове звон. На помощь поспешили механики. Работали молча, с остервенением. Только изредка окликали друг друга, чтобы проверить, все ли живы.

— Крепись, ребята,— пластырь завели!

Они и сами заметили: вода теперь прибывала медленнее, потом ее уровень, судя по мокрой отметке на переборке, стабилизировался. И вскоре стал медленно-медленно падать.

На мостике же тревога усиливалась. Хлебникову доложили: взрывом обрублены перья всех трех винтов, погнуты валы. Таким образом, запустив аварийную машину, ледокол все равно не сумел бы бороться с дрейфом. Его медленно и неотвратно сносило к минным полям.

Уже три часа команда боролась за плавучесть корабля. Три часа механики стыли в ледяной воде. А до минных полей оставалось каких-нибудь девятьсот метров. В лучшем случае, сто восемьдесят минут выделила команде судьба на спасение, которое полностью зависело сейчас от того, успеет ли отряд за это время подойти к месту аварии — успеет ли в буквальном смысле выдернуть ледокол из из смертельной ловушки.

На связь с лидером «Баку» выходили каждые десять минут. Просили форсировать ход. Впрочем, призывы были излишни: Обухов отлично понимал трагизм ситуации. Поэтому на предельной скорости ушел вперед быстходный «Разумный».

В два часа ночи Марлян доложил, что, по его расчетам, до границы минного заграждения не больше трехсот метров. И когда, казалось, все надежды на спасение рухнули, высвеченный

ходовыми огнями, показался силуэт эсминца. На самом малом он осторожно пробирался к «Микояну». Когда завели буксир, ледокол уже стоял на кромке минного поля.

Нестройное многоголосое «ура» прокатилось над морем. «Разумный» взял курс на Северодвинск, куда по распоряжению Главсевморпути следовало доставить израненный, но живой ледокол.

ЭПИЛОГ

В квартире капитана первого ранга в отставке Сергея Михайловича Сергеева многое напоминает о профессии хозяина, о бывшей морской службе: маленький макет ледокола, фотографии, письменный прибор в виде орудийной башни, выточенный из куска бронзы умельцем, каких немало в любой корабельной команде, книги о морских сражениях, мемуары видных военачальников...

За окном отдыхает ночная Москва. Сергей Михайлович тоже устал. И хотя жена поминутно напоминает ему о больном сердце, Сергей Михайлович с мальчишеской бесшабашностью только отмахивается:

— Вот уже тридцать лет ты мне твердишь о покое и больном сердце, а оно, слышишь, работает, как судовой двигатель! — он улыбается одними глазами, пытаясь за напускной суровостью спрятать доброту, нежность.

Он извлекает из альбомов пожелтевшие фотографии далеких лет. У кого-то из членов команды «Микояна» оказался фотоаппарат, и фотограф-любитель добросовестно запечатлел горящий танкер на рейде Хайфы, прогулку в Кейптауне, толпу американцев, глазеющих на диковинный корабль, пришвартованный в порту Сан-Франциско.

Немного документов сохранилось с тех пор — рундук моряка не рассчитан на семейный архив, да и не разрешалось во время плавания ни вести дневников, ни отправлять писем родным и знакомым. Поэтому большинство событий описано по рассказам, в которых нередко одни и те же факты трансформировались по-разному.

Трудно, например, с достоверной точностью восстановить, сколько торпедных катеров — два или три — атаковали ледокол у Родоса. Сопоставляя одни рассказы с другими, обнаруживаешь кое-какие несовпадения, неточности, разногласия, не имеющие, правда, принципиального значения. Ведь было сделано главное — безупречно выполнено правительственное задание, корабль пришел в порт назначения. И это особенно подчеркивает опытный мореход, боевой офицер Сергей Михайлович Сергеев:

— Мы были как бы маленьким осколком Родины, оторванным от нее и отброшенным на тысячи километров. И даже не имея с ней привычной связи, жили по ее законам, по ее нормам и правилам...

Из бухты Провидения капитан так и не попал в Москву. Здесь его нагнал приказ, которым Сергей Михайлович назначался командовать группой эсминцев на Тихоокеанском флоте. Не попал он на Черное море, куда рвался всей душой, как рвется ожесточившийся сердцем солдат в битву.

Не знали члены экипажа героического ледокола, еще в Ледовитом океане заготовившие рапорта с просьбами отправить их на те или иные фронты, что еще долгие годы будет продолжаться их чрезвычайно опасный, огненный рейс. По северным морским дорогам, на которых гитлеровские морские силы вели жесточайший разбой, ледокол проводил транспорты и конвои с продовольствием, боеприпасами и горючим, нес метеорологическую службу, перевозил раненых.

По-разному сложились послевоенные судьбы моряков. Некоторые вернулись на свой родной завод в Николаеве, со стапеля которого начал свой путь ледокол «Микоян». Четверо навсегда породнились с Ленинградом. Бывший машинист Алексей Ионович Голубков надолго связал свою жизнь с Адмиралтейским заводом. Строил сухогрузы и рыболовецкие суда. А когда заложили первый в мире атомный ледокол «Ленин», электро-монтажник высокого класса «начинял» знаменитый корабль точнейшими приборами контроля и автоматики.

Уже значительно позже, в Мурманске, я встретился с капитаном атомного ледокола Борисом Макаровичем Соколовым. Хозяин с гордостью показывал уникальный корабль, капитанскую рубку, центральный пульт управления, атомные реакторы...

— Ну и как, не подводит вас техника? — спросил я Бориса Макаровича.

— Нисколько! Ведь за ней чутко и внимательно следят приборы, которые монтировал сам Голубков.

Так десятилетие назад я впервые услышал об одном из членов коман-

ды «Микояна», награжденном за памятный переход орденом Красной Звезды. А потом к ней прибавилась и Золотая Звезда Героя Социалистического Труда — награда за рабочую доблесть при строительстве атомохода «Ленин».

Бывший котельный машинист Николаевец Григорий Филиппович Студенко около четверти века работал станочником на Сестрорецком инструментальном заводе имени Воскова, воспитал несколько десятков учеников — токарей, фрезеровщиков.

— Знаете, чего боюсь больше всего? — в раздумье спрашивает Григорий Филиппович; он делает продолжительную паузу и сам себе отвечает: — Тихой гавани! Да-да, не улыбайтесь: именно тихая гавань опасна — в ней, как корабельное днище, быстро обрастаешь ракушками, а следовательно, и стареешь быстрее.

Четверо моряков с ледокола образовали маленькое «землячество» в Ленинграде. Они часто встречаются.

— А как же иначе! — восклицает бывший судовой электрик Александр Васильевич Токарев. — Нет более крепкого цементирующего материала, чем дружба. Потому и дошли тогда, что были едины и в мыслях, и в действиях. Каждый горячо верил в победу — и эта вера, как луч маяка, вела к цели.

Их жизненный путь в общем-то типичен и для остальных сорока членов команды «Микояна», которых удалось отыскать Сергею Михайловичу Сергееву. Коммунисты, солдаты мирного фронта, активные общественники, они по-прежнему вносят посильный вклад в дело, которому служат всю жизнь.

...Недавно в музее Арктики и Антарктики появился стенд, посвященный героическому походу «Микояна» сквозь полярные льды из бухты Провидения в Кольский залив. Собраны первые фотографии участников этого похода. Что ж, инициатива заслуживает всяческой поддержки и одобрения. Пусть знают и ветераны, и те, кто пришел им на смену, о том, что страна не забывает своих героев, на их подвигах и доблести воспитывает молодое поколение.